

ЖУТКАЯ КНИГА

АЛЕКСАНДРА КОСТАЛЬ

НА ДНЕ
ОЗЁРНОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К72

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

В оформлении книги и обложки использованы иллюстрации Мхи и Туманы

Косталь, Александра.

К72 На дне озёрном / Александра Косталь — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 224 с. — (Жуткая книга).

ISBN 978-5-17-165557-0

Детство, проведенное с бабушкой, Даша всеми силами пыталась забыть. Но когда та умирает, приходится вернуться и вспомнить все, чему так и не нашлось объяснения в детской голове. Бойся ворона, что вьется над головой, не смотришь в зеркала и не приближайся к озеру, пока его Хозяйка не вспомнила о жертве, а ступая за порог, знай: пути назад уже не будет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-165557-0

© Косталь А., текст, 2024
© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2024

ПРОЛОГ

Светало. Солнце ещё не успело показаться из-за горизонта, но тьма вокруг медленно рассеивалась, являя хотя бы очертания местности. В машине было тепло от работающей печки, а по радио то и дело шипели помехи. Они были единственной причиной, почему Ванька ещё не уснул.

Его отец любил рыбалку. По этому поводу каждое воскресенье — единственный выходной, между прочим — Ваньке приходилось вставать, как только короткая стрелка достигала пяти, а летом и того раньше. Вчера парню пришлось засидеться с расчёткой — через несколько дней предстояло её сдать, и возможности завалить не было.

Из-за этого Ванька едва смог подняться с кровати — после двухчасового сна хотелось послать всех, в том числе и отца. Он же полдороги бухтел, что ехать больше нет никакого смысла — они опоздали на целых полтора часа. Ваньке было нечего ответить, и вскоре отец замолчал.

Когда он в очередной раз начал проваливаться в сон, «Нива» резко затормозила. На едва вмняемый взгляд отец объявил:

— Перекур.

Шею обожгла волна холода, следом хлопнула дверь.

Отец имел ещё две страсти — свою ласточку и табак. Но предпочитал их не смешивать.

Медленно передвигая ногами, Ванька вылез из машины, чтобы хоть как-то прояснить мысли. Осенняя прохлада

обдала уши и лицо, поползла за ворот свитера. Он поёжился, застёгивая куртку до самого носа.

Порядка сорока минут они ехали вдоль водоёмов, сменяющих друг друга. Отец искал определённое, любимое место, куда он ездил с сыном не единожды. Но вряд ли даже прикормленное место могло спасти сегодняшнюю рыбку: вода была совсем неспокойна, шла рябью, и поднявшийся ветер прижимал к ней осоку.

Они простояли там, подставляясь ледяному ветру пару минут, прежде чем до Ваньки донеслось строгое:

— Поехали отсюда, — скомандовал отец, бросая сигарету и притаптывая её сапогом. — Ничего толкового всё равно не выйдет.

Ваньку долго упрашивать не пришлось: к машине он почти побежал, путаясь ногами в засохшей траве. И уже открыл дверь, чтобы нырнуть в тепло, но, повинувшись жесту отца, замер.

— Слышишь?

Ничего, кроме зазываний ветра, он не слышал. Да и не хотел, впрочем, слышать что-то, что могло отделить его от уезда отсюда. По одну сторону была вода, по другую — бескрайнее поле. На десятки километров вокруг не могло оказаться ни души.

Или могло?..

На этот раз Ванька действительно расслышал плач. Тоненький, девичий, так легко затерявшийся в песне ветра. Он шёл из ближайших зарослей осоки у воды, которые порывами прижимались к воде. Переглянувшись, Ванька с отцом двинулись к источнику звука.

На берегу, свесив ноги в ледяную воду, сидела девушка. По чёрным волосам текла вода, а некогда белое платье было облеплено тиной и водорослями. Незнакомка плакала, прикрывая лицо ладонями, настолько бледными, что те казались прозрачными.

— Девонька, что же ты здесь делаешь? Совсем одна!

Она обернулась, только заметив их. Стёрла с щеки слёзы вместе с землёй ладонью и подскочила так резво, будто не морозила ноги всё это время.

— Откуда ты?

— С Кирилловки я, — ответила она, пряча глаза и шмыгая носом. — Пара километров отсюда. В город я ехала, на свадьбу. Замуж я выхожу.

— А жених-то где?

— Там ждёт. Я должна была приехать ещё... Сколько сейчас?

— Почти восемь, — впервые вступил в разговор Ванька и сразу же пожалел: девчонка зарыдала пуще прежнего.

— На чём ты ехала?

— На машине... вместе со свёкром... будущим...

— Эй, без истерик! Свёкор куда делся?

Не переставая рыдать, она указала куда-то на воду. Похоже, от переохлаждения уже начинался бред. Не удивительно: сколько же часов она промёрзла в осенней воде?

— Может тебе помочь чем? Подкинуть в твою Кирилловку? Ты только не плачь.

— Лучше в город. Меня Матвей ждёт, — провыла девушка, лишь на мгновение прерывая рыдания.

— В город, так в город. Чего встал как истукан? Не видишь, у девушки уже зуб на зуб не попадает! Снимай куртку.

Ванька уставился на отца удивлённым взглядом, но куртку отдал. То есть, рыбалка отменяется?

— Садись в машину, отвезём, куда скажешь. Как зовут тебя, девонька?

— Тоня... Антонина.

Прежде чем сесть в машину, Тоня на мгновение обернулась в сторону озера. Её глаза побелели и зажглись светом, но почти сразу же потухли. Ванька решил, что ему почудилось — все-таки нужно восстанавливать режим сна, а то уже всякая нечисть мерещится.

ГЛАВА 1. СТАКАН, ВОРОН И ЕЛОВЫЕ ВЕТВИ

Сухая отцовская рука пробудила Дашу от сна, ради которого незачем было закрывать глаза: картины и так бежали одна за другой, будто кто-то непрерывно менял плёнку. Она подняла на него голову, потирая собственные ладони, замёрзшие от гуляющего по дому сквозняка. Октябрь теплом совсем не радовал.

— Можешь передохнуть. Я с ней посижу.

Взгляд упал на гроб, возвышающийся громадной тенью, будучи почти неразличимым в сумраке комнаты. Потом сразу мячиком отскочил на стену, где, сколько Даша себя помнила, всегда тикали часы. Уже третью ночь стрелки не двигались с места, но глаза продолжали тянуться в ту сторону быстрее, чем приходило осознание бесполезности этих движений.

Рука заползла в складки ветровки, потом в карман, пытаясь найти телефон. Яркий свет от экрана ослепил обоих: и Дашу, и её отца, сразу вскинувшего ладонь, чтобы закрыться от раздражителя. Но она всё равно успела заметить залёгшие тени и складки на его ещё неделю назад молодом лице, которое сейчас больше походило на те, что Даша ви-

дела в морге, когда в детстве однажды забежала туда, куда не следовало. С тех пор тётя больше никогда не брала её на работу: а Даша и сама не вызывалась.

Вот и лицо отца выражало вселенскую безмятежность, смирение, которое, кажется, не способен познать человек при жизни. Оно приходит потом, когда мирское оставалось позади. Интересно, бабушка сейчас испытывает то же самое? Мёртвые вообще способны что-то испытывать?

Время приближалось к шести. Пять часов и пятьдесят шесть минут — вот время смерти, которое значилось во врачебных бумажках. Три дня назад, ровно в это время Зинаида Григорьевна Лопухина умерла.

Дашу пробрало от осознания этого совпадения. Но последняя цифра на экране быстро сменилась следующей по старшинству и наваждение ушло.

— Да, пожалуй. Пойду на воздух, что ли.

Она спустилась с кресла, и доски под ногами обиженно скрипнули. Пока дошла до входной двери, Даша выслушала целую тираду о том, какая она безответственная и эгоистичная, раз бросает бабушку одну. Скрипели половицы, свистели оконные рамы, даже с чердака кто-то так и приговаривал бабушкиным голосом: «Всю жизнь была ни рыба, ни мясо, так и теперь такая же...»

Ни рыба, ни мясо.

Даша повторила это несколько раз, стараясь распробовать образовавшийся на языке привкус сладковатой горечи, будто раз за разом вскрывала гнойник. И не обычную белую точку, какими обсыпает каждого первого подростка в пубертате, а глубокий фурункул, размером с жемчужину, из которой сколько ни дави, а воспаление так и будет нарастать, а гной образовываться снова и снова.

Их не дают. Их вырезают. С корнем.

Но Даша не могла просто взять и вырезать бабушку из своей жизни, хоть все воспоминания о ней и сопрово-

ждались этим гноем на языке, скатывающимся в шарики. Поэтому она научилась не помнить. Но теперь, казалось, забыть уже не представится возможным.

На улице оказалось несколько не холоднее, чем в доме. Двери были раскрыты, потому даже толстые стены не спасали бабушкину избушку от ползущего под куртку небольшого мороза, какой часто наведывается по ночам во время второго месяца осени.

Едва завидев Дашу, Фёдка заскулил и завилял хвостом, подбегая так близко, насколько хватало цепи. Из его будки виднелись две наглые кошачьи морды, мирно сопящие под рассветную тишь, рыжая и чёрная. Обычно они спали в доме вместе с хозяевами, но из-за гроба их погнали на улицу. Даша не помнила, почему именно животным не место с покойником в одном доме, но зато точно знала: не место. Нельзя.

Даша присела на покосившееся крыльцо, которое отец восемь лет обещал сделать, и прикурила. Фёдка проскулил что-то и приблизился, положив голову ей на колени. Пальцы утонули в чёрной длинной шерсти, какую бабушка вечерами любила вычёсывать под любимый сериал, а потом вязать носки любимой внучке.

Единственной внучке.

Она почему-то всё время это уточняла, хотя Даша не понимала зачем. Впрочем, у старухи было немало причуд, которым, повзрослев, Даша так и не смогла найти объяснения.

Она подняла голову, наблюдая за клубящимся дымом. Фёдка то и дело шмыгал носом, совсем как человек. Небо начинало светлеть, необратимо начиная новый день.

Вдруг над рассветной тишиной раздалось карканье. Ещё раз. И ещё. Ворон кружил над участком, то снижаясь и хлопая крыльями едва ли не на уровне ушей, то превращаясь в точку на небосклоне.

— Чёрный ворон я не твой... — напевала бабушка, когда была совсем плоха: суставы разбалчивались на погоду или сердце барахлило.

И когда сама Даша лежала с ангиной, она всё приговаривала, что не отдаст её ворону. Ходила по комнате, брызгала водой и что-то шептала. И как бы мама не ругалась на неё за шаманские фокусы, на следующий день Даша неслась на улицу играть в «Царя горы».

— Ты добычи не дождёшься...

Выходит, что дождался.

В итоге любопытная птица подлетела совсем близко и приземлилась на ветку яблони в метре от крыльца. Покрутила головой, разглядывая Дашу то одним, то другим глазом, как вовсе разумное существо. Это отчего-то взбесило Дашу. Внутри вдруг поднялась такая волна гнева и обиды: за бабушку, за себя, за то, что ей вовсе нужно здесь быть. Словно во всём была виновата эта чёрная птица!

Под ногами была сложена гора полуразрушенных блоков, что остались от сарая. Даша схватилась за один из обломков и со всей силы и обиды бросила его в ворона.

Он, конечно же, взлетел раньше, и пострадала разве что ветка, на которой он сидел. Та с хрустом отломилась и полетела на землю. Сделай Дашка подобное в детстве, давно бы уже подпирала собой угол. Но теперь бабушки, которая накает, не было. И яблоня никому не нужна. И Дашка тоже.

Ворон устроился на ветке выше, изгибая голову, будто пытаясь рассмотреть Дашу ещё подробнее, почти досконально. Его, казалось, совсем не обидела её выходка, а только ещё сильнее заинтересовала. Она бы бросила ещё обломок, и ещё, если бы не скулящий на коленях Федька.

Они с Дашей были ровесниками и знали почившую больше двадцати лет. Но если она приезжала только летом, Федька, её родной пёс Федька, всю долгую жизнь провёл вместе с ворчливой старушкой, так любящей его вычёсывать.

Калитка была раскрыта, как и все двери в доме, но никто не захотел проститься со старой колдуньей. Даша сомневалась, что кто-то сунется на поминки: не любили Зинаиду Григорьевну в её родной деревне, ой, как не любили. Дом всегда стороной обходили, да яйца крестить на Пасху вместе не желали.

А ведь бабушка была сильно верующим человеком. Даша помнила, что, несмотря на возраст, она держала все посты, каждое воскресенье ходила в церковь, и красный уголок всегда держала в порядке и чистоте. Никогда никогда не проклинала, а если и ругалась, то из желания помочь сделать по-другому, но никак не из ненависти и злобы. Злые языки любят распускать слухи о таких людях, чистых и добрых, верных Господу.

А ещё Зинаида Григорьевна лечила.

Саму Дашку лечила, после похода в морг, между прочим. Мать тогда была занята своими подругами, потому совсем не задумалась о здоровье дочери. После этого Даша перестала вставать в уборную по ночам. А недержание для девочки десяти лет было настоящим позором: Даша помнила, как прятала простынь под кровать, а сама спала на царапающем щёку матрасе. Вот только её обман быстро раскрыли, и пока родители отдавали её врачам, которые выливали из неё литры крови и постоянно назначали клизмы, бабушка пошла совсем иным способом.

Однажды она посадила Дашу в проёме на табуретку и наказала сидеть ровно, а сама водила чем-то ей над головой. Позднее маленькая внучка не раз увидит, как бабушка отливает воском других, выискивая слезы, испуги и всякую другую гадость. Фигурки из воска будут получаться поистине жуткие, кривые, часто с щупальцами и рогами, и даже когда клиенты будут излечиваться, их результаты всё равно будут казаться Даше вывернутыми нутром, и человек ни-

когда не сможет заправить его обратно. Так и будет ходить не застёгнутым, с вывернутыми кишками.

И когда Даша поделилась с бабушкой своей теорией, та заверила, что всё на самом деле так и есть. Стоит только получше присмотреться, и сразу станет понятно: вывернут человек, или нет.

Ещё долго потом Даша всматривалась в прохожих, пытаясь найти «вывернутых», пока, однажды, не увидела девушку, чьи внутренности были почти до колен, и она едва могла их тащить, постоянно придерживая рукой. Тогда она поспешила поделиться открытием с мамой, но та лишь потребовала заткнуться. Весь оставшийся путь на них смотрели с явной опаской. Дома ждал серьёзный разговор и весь вечер в углу.

— Это всё твоя мать! — слышала Даша мамин голос, подслушивая под дверью родительской спальни. — Это она пытается покалечить психику нашей дочери.

Оказалось, та девушка была всего лишь глубоко беременна.

Вот из таких отдельных лоскутков жизни и строились воспоминания Даши о бабушке. Убери их, и половины памяти не останется. Половины самой Даши не останется.

Вести к психиатру её, кстати, всё же пришлось. Панические атаки заставляли Дашу врасплох, надвигаясь неожиданно и чаще всего среди толпы. Сердце колотилось в груди, от всеобъемлющего страха давило дыхание. Её тело в те моменты отключалось, и она вполне могла рухнуть на лестнице в час пик при подъёме в город, где её просто затоптали бы насмерть.

Выписали таблетки. Был скандал.

Казалось, именно с того момента она и перестала ездить на лето в деревню. Просто в один из приездов бабушка заменила таблетки на аскорбинки, и пошёл лютый синдром отмены. Так страшно, как тогда, ей ещё не было. Не столько из-за отсутствия таблеток, сколько от родительских криков.

Мама тоже вышла на крыльцо, кутаясь в свой пуховик. Даша дёрнулась, чтобы спрятать сигареты, но осознала, что она уже протягивает руку за ними.

Получив желаемое, мать, к удивлению Даши, сама прикурила. На поражённый взгляд дочери только и смогла ответить:

— Последнее время слишком... Нервное.

Да, наверное, так и было. Бабушка умерла не вдруг, а очень даже ожидаемо. Давно жаловалась на боли в сердце, но ехать в городскую больницу никак не хотела. Когда отцу удалось затолкать её в машину и увести, было поздно: тогда счёт пошёл на дни.

Бабушка продержалась ещё неделю. Боец, как бы обязательно сказал папа, не проживай он это время в прострации.

Мама организовывала похороны, поминки, место на кладбище. Человек, с которым они друг друга совсем недолюбливали, сделал всё, чтобы похороны прошли, как положено, даже с отпеванием в церкви, пока дорогой любимый сынок запивал горе.

И гори оно всё синим огнем.

Тогда на часах было почти шесть. Даша подскочила со стула, очнувшись от резкого звука. Она доделывала работу для одного замороженного преподавателя, который любил давать проверки в течение семестра, чем невероятно злил все потоки. И предмет-то был, не абы какой, а сама культурология.

Куль-ту-ро-ло-ги-я. Это звучало так, будто кто-то закашлялся. Впрочем, именно так и относились к этой дисциплине студенты политехнического университета: как к застрявшему в горле куску. Поначалу никто не воспринимал пары всерьёз, но вскоре преподаватель заставлял пожалеть об этом.

Вела его старая женщина в чепчике, который совсем не вязался с её строгим костюмом. У Даши каждый раз при встрече с ней стояла перед глазами Графиня из «Пиковой

дамы». И она была уверена: даже когда культурология закончится, Графиня будет являться к ней во снах и говорить с придыханием:

— Я пришла к тебе не по своей воле...

Грохот отвлек Дашу от раздумий. Она жила на первом этаже и уже спешила открыть окно, чтобы как сварливая старуха накричать на мелкотню во дворе, что кидается мечами в стекло. Но, распахнув створки, вдруг осознала, что на улице ночь. Мороз зацепил лицо и шею, пополз под ворот футболки, пока Даша смогла сообразить, что вокруг никого нет. Ни души: только ближайший фонарь жужжит, нарушая ночное спокойствие.

Дети в такое время по улицам не ходят.

Она повернула ручку, оставляя осенний холод за бортом, и замерла, прислушиваясь и осматривая комнату. Ничего не изменилось: та же не заправленная кровать, стол, скрывающийся под горой справочников, компьютер как единственный источник света. Всё родное, близкое. И всё же не то.

Тревога нарастала, и Даша в два шага оказалась у выключателя. Щелчок, и не осталось ни одного угла, скрытого от глаз. Но сердцу этого было мало: оно продолжало колотиться в груди, перекрывая дыхание. Даша обошла не только комнату, но и всю квартиру в поисках...чего-то. Вязкого, холодного, заставляющего мозг густеть и тяжелее соображать. Чего именно, она сказать не могла.

Это что-то было не разглядеть и не расслышать. То, что она впустила, не было осязаемо. Поэтому казалось, что оно теперь с ней.

Навсегда.

Даша давно уже ничем не делилась с матерью. У них были прохладные отношения: сначала дочь поступила не туда, потом уехала в другой город, потом и вовсе от рук отбилась — так она говорила, когда аргументы заканчивались. Но рассказать о том, что случилось за пару минут

